

Якби був з нами Тарас Шевченко

Українці!!! Мої земляки!
Сини і доньки славної країни,
Закликаю Вас усіма фібрами душі
Схаменітесь,
Об'єднайтесь,
Облишмо чвари й безкорисні війни,
Бо кличуть нас через віки
Свята любов до славної землі
Й безмежна віра в гідну долю України!
Слава Україні!

В. Удовиченко,
10.07.2004 р.

Мэру Славутича Владимиру Удовиченко посвящается

Его жизнь, как атака: вперед и вперед,
Ни минуты стоят на месте,
Лишь только в борьбе победа придет,
И только с друзьями вместе!

Мир раскололся: враги и друзья,
Кто есть кто - постарайся понять!
И ошибиться здесь, право, нельзя:
Надежнее с другом шагать!

Новые веянья в жизнь ворвались:
Требуют новых решений,
Строим ныне капитализм,
И здесь нужны свои гении!

Желаем дерзких и новых побед,
Смелости, гибкости и умения!
В конце туннеля – брезжит рассвет,
То к жизни новой стремленье!

Славутич всегда и везде впереди,
И города в мире нет краше,
Хоть целый мир обойди, облети,
Славутич, ты - Родина наша!

Майя Готсдинер

І до школи спішить дівчора,
І потужні гудуть заводи.
Пахне ніжно весняний квіт,
І щасливі зростають діти...
Солдат, зодягнувшись в граніт,
З ними продовжує жити.

Вечори

Лине пісня, дзвенить в голубій вишині,
Легкокрила, ясна, мов струмок навесні.
В запашні вечори ми під шепіт дібров
Зустрічали колись свою першу любов.

Твої очі дівочі - зірниці ясні,
Мов два проліски сині, цвітуть навесні.

Ми зустрілись з тобою в замріяний час,
У той вечір троянди розквітли для нас,
Скільки різних стежин до кохання веде!
Я ж обрав лише ту, що до тебе іде.

Ту стежину знайду й грозової пори,
По якій ми ходили у ті вечори.

Весна

Пташиний передзвін,
Мов гомінливі струни,
Завжди весною він
Серця коханих будить.
Дивись, біжать струмки
Веселі і журливі,
В них подихи ріки,
Що розправляє крила,
Виходить з берегів
З величною красою
Стрічати журавлів,
Як і завжди весною.
А вечір – голубінь,
Пливе у далі сині,
Манлива ота синь.
Як очі у дівчини.

Ночная тишина

Вечер. Тишина. Песни умолкают.
Город спит родной, парки засыпают.

Надо мною синева, как твои глаза.
Блеск росинок на траве, словно бирюза.
Вышли звезды ясные, месяц золотой, -
В этот вечер я спешу встретиться с тобой.

В этой синеве тихою порою
Нежную любовь я тебе открою.

Надо мною синева, как твои глаза.
Блеск росинок на траве, словно бирюза.
Вышли звезды ясные, месяц золотой, -
В этот вечер я спешу встретиться с тобой.

Ты придешь ко мне, верю в это, знаю.
Близится рассвет – я стою, мечтаю.

Надо мною синева, как твои глаза.
Блеск росинок на траве, словно бирюза.
Вышли звезды ясные, месяц золотой, -
В этот вечер я спешу встретиться с тобой.

Весняне

Вітер легенько дихнув,
Плнуть у далі хмарини,
Тихо дубочок шепнув,
Легко торкнувшись калини.

Зашепотіла трава
В росах сріблясто – іскристих,
Місяць ясний огляда
Зірок тремтливе намисто.

Прийде світанок ясний -
Промені сонця пробудяться,
Після задумливих снів
В чарах весняних заблудяться.

Вічно живий

Стоять у задумі тополі
 На розгоні широких доріг.
 Солдат тут із танком в двобої
 За рідну Вітчизну поліг.

У далеч вдивляється мати –
 Мо' скоро повернеться син,
 Та його вже годі чекати:
 Заснув під тополями він.

А був же звичайним солдатом,
 Як і всі, вірив теж в майбуття,
 Та куля фашистського ката
 Обірвала навіки життя.

Не чув він, коли веселково
 Перемоги заграла весна,
 Земля наша, зрошена кров'ю,
 Цвітом радості знов розцвіла.

Бережуть свято пам'ять тополі
 Про солдата, що впав у бою.
 Не вмирають ніколи герої,
 Вони завжди з нами в строю.

Над ставом

Над ставом юнки синьоокі
 Співають - серденько пройма
 "Додолю верби гне високі,
 Горами хвилі підійма..."

Бандури струни гомінливі
 Летять, дзвенять струмком весни,
 Немов вітрець пройшов щасливий
 Від хвиль Дніпра до хвиль Десни.

Долає пісня та простори,
 Ну що їй гори та моря!
 У ній людських талантів зорі
 І вічна слава Кобзаря.

Етюд

Прилягла відпочить хуртовина,
 Устеливши поля полотном,
 Пишні віти нагнула ялина
 За сріблястим в мережках вікном.

На легких і проворних санчатах
 З гучним сміхом злітають з гори
 Розрум'янені хлопці й дівчата
 Під розбурханий шум дівтори.

В легкім танці сніжинки кружляють,
 Цвітом яблунь спадають згори,
 І здається, що верби гадають,
 Про що мріють сумні явори.

Зимовий малюнок

Гай зодягся в іній. Так у саду вишню
 Наряджає щедро запашна весна.
 Вітер злий заводить споконвічну пісню,
 Стоголосо в простір котиться вона.

Занесло простори, кругом біло стало,
 За вікном в мережках сонце зір сліпить.
 Похилились верби над закутим ставом,
 Одинокий явір з ними гомонить.

А вночі з-за хмари місяць на хвилину
 Випливе, освітить срібний луг і гай,
 То моргне берізці, заіскрить ялину,
 І тікає смуток в темний небокрай.

15 септября 1943 года в тяжёлых боях от немецко-фашистских захватчиков был освобождён город Нежин.

Участником тех событий был маленький Лёня Куприй, который через 60 лет описал эти события в рассказе «Сержант».

Помещаем этот рассказ так, как поведал нам его автор – Леонид Иванович Куприй.

Сержант

Осенним погожим днём мы с моей бабушкой Верой собрались идти из села Дуболуговка в г. Нежин. Путь в 25 км для мальчишки восьми лет немалый.

Моя мама не хотела нас отпускать, она говорила бабушке Вере: «Мама, ну куда вы с ребёнком идёте? Ведь не сегодня-завтра здесь будут идти жестокие бои?!»

Но бабушка не сдавалась: «Хочу увидеть дочь, ведь два года не виделись. С тех пор как пришли немцы, так и не виделись. Ничего с нами не случится!» Но моя мама не унималась: «Вы только подумайте, кругом немцы. Как можно отправляться в дорогу, да ещё во время боёв?» И, как бы в подтверждение её слов, послышался далёкий гул канонады.

Бабушка крестится: «Слышите, это наши освободители дают о себе знать!» И вот мы с бабушкой всё-таки бредём до Нежина. На моих ногах надеты лапти, сплетенные моим дедушкой Тимофеем из коры липы, а бабушка босая. Перепрыгивая через канаву, бабушка разбила большой палец, из него хлынула кровь.

Увидев кровь, я расплакался, так как не знал, как помочь бабушке.

- Бабушка, тебе очень больно?! - рыдал я.

- Не волнуйся, сынок, сейчас всё пройдёт, - она посыпала рану песком, - ну, вот и всё лечение, заживёт. Идём дальше.

Недалеко от Нежина мы увидели большое скопище фашистов Они мечутся в серо-зелёных запylённых мундирах, а вокруг - большое количество техники: здесь и танки, и тягачи, и мотоциклы, и лошади. Фашисты очень злые, они кричат, ругаются, мы слышим гортанные звуки команд.

Мне становится страшно: мало ли что взбредёт в голову этого злого, вооружённого до зубов дяди?! Я устал, еле переставляю ноги.

- И когда уже Нежин?! - не выдерживаю я.

- Уже скоро, ну, совсем немножко, потерпи.

Наконец-то мы у тётки Стефании. Она очень ласковая, как и её мама.

- Ничего, ещё немножко, всего-то день-два и придут наши.

Улица полна немцев, они стреляют по окнам, я вижу как они тянут шнур. Один из них дёрнул этот шнур, раздался оглушительный взрыв и в воздух взлетела водокачка, а через несколько минут та же участь постигла и военстрой. Всё в дыму, всё горит и стреляет. Много нами пережито и перевидано за время оккупации, но эти картины ужасают нас. Где же наши освободители?! Скоро ли наступит конец этому кошмару?

За домом тётки Стефании - большое поле, где не собран урожай картошки. Мы, голодные, идём туда, чтобы накопать картошки, а там - немецкий орудийный расчёт. Зенитки бьют по советским самолётам, которые рвутся через линию фронта.

Всё-таки жизнь дороже картошки, и мы возвращаемся домой с пустыми руками. Ночь прошла в кошмаре: самолёты непрерывно бомбят

станцию Нежин. Горят цистерны с бензином и техникой, разрывается на куски железнодорожное полотно.

Немцы хотят удержать Нежин как последний укрепрайон перед Киевом. От разрывов бомб и орудий в домике вылетели все стёкла из окон. Старые и малые, как в лихорадке, спрятались в погребе, где и просидели всю ночь. Я кашляю, болит горло, а мне затыкают кулаками рот. Одна тётя ходит по двору.

Вдруг рядом с погребом раздался выстрел. Мы теснее жмёмся друг к другу. Тётя заглянула в погреб и успокоила нас:

- Это немец зашёл во двор, увидел петуха на погребе и саданул в него из карабина.

Тётя отдала ему петуха, и он с засученными рукавами с петухом в одной руке и с карабином в другой вышел со двора.

Это было 14 сентября, а 15 с утра наступило затишье.

Я вылез на забор. О, Господи! Смотрю и не верю глазам. По улице идут наши советские танки, на которых сверкают звёздочки. Я кричу и бросаю вверх фуражку, а танкисты весело улыбаются и машут нам руками. Нет, этого забыть нельзя. Сколько пережито за два года оккупации, сколько страшных эпизодов пронеслось в голове: расстрелы, казни евреев и цыган, которых везли в Бабий Яр, в Киев, а по дороге останавливались у нас.

А сколько погибло детей моего возраста, которые разряжали мины и гранаты! Вот один из таких случаев...

Пасли коров и нашли неразорвавшуюся авиационную бомбу, которых валялось видимо-невидимо.. Дети начали её разряжать. Мне и ещё одному мальчику подошла очередь заворачивать скот, который ушёл за сосны. Со слезами на глазах побежали, а пять человек продолжали откручивать боёк. Когда забежали за сосны, послышался страшный взрыв. Мы всё поняли... Выбегаем, а наших пятерых товарищей нет. Только и увидел я два пальца от руки.

Один из них, Вовка, сидел со мной за одной партией. Сестра его Тамара и сейчас плачет, увидев меня.

Таких эпизодов десятки, да ещё и пострашнее.

Нежин освободили воины 7-го Гвардейского механизированного корпуса генерала Корчагина Ивана Петровича. Есть и сейчас в Нежине улица имени генерала Корчагина. А я самого Корчагина видел сотни раз, красивого, молодого, подтянутого генерала, Героя Советского Союза. Есть у меня и его фотографии.

А в селе нашем Дуболуговке остановился танковый полк майора Хайтовича. Майор погиб под Нежином, и на его могиле поставлен танк Т 70, к которому мы с семьёй 15 сентября каждого года возлагаем цветы и плачем, плачем...

Танковый полк разместился рядом с селом среди сосен, а на квартире у нас остановились подполковник Сергеев, майор Ходеев и сержант Кулешов.

Вскоре мы зажили одной дружной семьёй. Военные не давали нам умереть или опухнуть от голода. Они пополам делили солдатские пайки и спасли жизни многим детишкам. Стоим, бывало, возле кухни, и смотрим жадно, как начинают делить солдатский суп. Мы, дети войны, оборванные и грязные, голодные, с блестящими глазами, смотрим на черпак... Старшина смотрит на нас и кричит: «Детей покормить в первую очередь!» Тогда мы не знали и не думали о том, что полуголодные солдаты делают с нами свою жалкую пайку хлеба и супа. Некоторые, глядя на нас с жалостью, говорили: «Я не буду есть. Отдайте мой паёк ребятишкам, у меня на Смоленщине тоже такие, и, видимо, голодные, как эти».

Мы очень сдружились с сержантом Кулешовым Павлом Дмитриевичем. Ему было тогда всего лишь 19 лет, а мне - 9. Когда я болел, он водил меня в сосны к военному врачу. Хлеб делили на две равные части, а однажды он показал мне новые танки Т-34. Они перевооружались. Жители Кузбасса собирали деньги на танки, выпускали их на севере, в Кемеровской области. Вскоре седьмому корпусу дали название: «7-ой Гвардейский Нежинско-Кузбасский механический корпус.» Это была очень сильная единица. Туда входило 4 танковых полка, три полка «Катюш», несколько пехотных, мотоциклетных полков и т.д. В бой они вступали, когда были полностью вооружены и сформированы. В наличии в корпусе было 11 тысяч солдат и офицеров.

Сам генерал Корчагин часто приезжал в наш дом к подполковнику Сергееву, и поэтому мне приходилось его видеть. Мы так сдружились с сержантом, что иногда вместе спали и ели, и не думали о разлуке. Но не по-нашему выходило.

В 1944 году после года постоя 7-ой Гвардейский корпус оставлял Дуболуговку.

Ну, прощайся Лёня, со своим братиком, - сказала мама.

Мы, затаив дыхание, смотрели друг на друга и не могли пошевелиться. Первым подошёл ко мне Павлуша - так мы его звали. Он обнял меня, поцеловал и сказал: «Ничего, Лёня, крепись, недолго осталось ждать».

На проводы высыпало всё село, кто мог ещё держаться на ногах. Все стояли и смотрели, как шли танки. Танкисты, как и в первый день, махали нам руками, но улыбки были грустными. У многих в селе уже были дети. И, сделав почётный круг, танковый полк резко повернул на Запад.

Долго мы ещё стояли и смотрели вслед танкам. Многие женщины стояли с маленькими «корчагинцами» на руках. Рыдало всё село от малого до старого. Началась переписка. Получили письмо: корчагинцы вступили в тяжёлые бои под Берлином. Потом крутой поворот на Прагу, где в пражском котле сражались и корчагинцы. Затем всё затихло. Мама написала письмо командиру полка, а оттуда пришло кратенькое письмо: «Мы вступаем в тяжёлые бои». На этом переписка в порохе войны прекратилась. Мама часто говорила: «Видимо, весь корпус попал в окружение, иначе бы они написали».

В 1948 году, как сообщила «Красная Звезда», умер генерал Корчагин. В 1974 году умерла и моя мама, а ещё раньше, в 1947 году, - бабушка Вера, которая их так любила, и если было из чего, варила им суп.

Где же Павлуша? Где майор Ходеев, всегда развесёлый шутник?

А время, как вода: шел год за годом. Я пошёл учиться, стал учителем. Окончил Киевское музыкальное училище, а затем - пединститут имени М. Горького.

Начал искать Павлушу. Но всё тщетно. Не заметил, как за работой прошло-пролетело 40 лет. Мне уже было около 50, когда Нежинщина отмечала 40-летие освобождения от немецких захватчиков. Я тогда работал на селе. В этот день жена попросила меня не ехать на работу, так как в такой большой праздник придет много ветеранов. Но работа есть работа, и я поехал...

На следующий день жена сказала мне, что в Дуболуговку приезжали ветераны, все в орденах и медалях, что они искали меня и мою маму, что долго стояли в Центре, склонив головы, где раньше был наш дом.

Я обратился к учительнице, которая всё это видела, и она мне поведала такое:

- Автобус должен был отправиться на Нежин, когда в него вошли два генерала, два полковника и несколько человек в штатском. Один из них обратился к пассажирам с вопросом: «Скажите, кто помнит то время, когда здесь стояли корчагинцы?»

- Я помню, - сказала учительница.

- А где же Клавдия Михайловна? Да и дома их уже нет.

- Они умерли.

- А где сын Лёня, которого мы подкармливали солдатским супом?

- Он в Нежине. Ему 50 лет, но адреса я не знаю.

Автобус отъезжал, а один ветеран всё стоял на том месте, где раньше был наш дом. Стоял согнувшись, опустив плечи, и даже издали было видно, что он плачет. У 60-летнего человека, увешанного орденами и медалями, текли слёзы....

Когда мне рассказали об этом, я заплакал... Очень хотелось знать, кто был тот человек: Ходеев, или Кулешов?

Всю ночь меня трясло, как в лихорадке, я представлял себе картины тех далёких лет: мчатся танки, бежит пехота, рвутся с диким воем мины, и я, такой маленький и беззащитный, среди этого ада. О, ужас!!!

- И сколько же ты будешь кричать ночью? Иди в музей и поищи в списках своего фронтового брата.

Утром помчался в музей, где были списки 700 ветеранов войны, приехавших на праздник освобождения Нежина. Открыл несколько карточек, и - о, радость! - наткнулся на фамилию КУЛЕШОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ.

Оказывается, Павел жив, живёт под Москвой в г. Пушкино.

Пишу письмо, полное слёз...

Вскоре получил ответ: «Братишка мой, я жив, за делами и хлопотами прошло 40 лет. Я всё помню, всё. Сейчас я работаю начальником треста ресторанов и столовых г. Москвы».

Ничего себе братик! А вскоре звонок по телефону.

Говорили мы около часа, и не могли наговориться. Договорились о встрече: я приеду к нему в Пушкино. И вот мы с дочкой Таней мчимся к нему в г. Пушкино поездом Киев – Москва.

Предстоящая встреча меня очень взволновала, я не спал всю ночь, я думал о том, узнаем ли мы друг друга через 40 лет?!

Когда поезд остановился, я открыл шторку на окне и сразу же увидел мужчину, что смотрит на окна вагона, видимо, в поисках нас.

- Таня, Павлуша, – шепчут мои уста, а в ответ он кивает: «Выходи!»

Мы не скрываем слёз, да и проходящие мимо люди, наблюдая за этой встречей, не скрывали своего волнения, на глаза у них наворачивались слёзы...

И вот мы мчимся на «Волгах» по Москве к Вечному огню, Мавзолею, Красной площади... Вот мы с Павлушей сидим, обнявшись, ничего не говорим, только мысли летают, как молнии...

И вот мы в Пушкино, в доме, где живёт мой друг. Познакомились с его женой Валентиной Ивановной. Очень приветливая женщина.

Мне предложили отдохнуть с дороги, но я не мог себе этого позволить, пока не проведу могилу генерала Корчагина.

Генерал Иван Петрович Корчагин похоронен на Новодевичьем кладбище.

Мы поехали туда, где покоится вечным сном боевой генерал. Я помню, как смотрел на меня Иван Петрович в 1943 году, а теперь он смотрит на меня с обелиска...

Вечная память этому замечательному ЧЕЛОВЕКУ – ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ КОРЧАГИНУ!

Сколько буду жить, столько буду его помнить, и всегда будут помнить его мои дети и мои ученики!

На следующее лето Павлуша с женой приехали к нам в Нежин и в Дуболуговку. Мы подошли к соснам, где размещался тогда танковый полк, ровными рядами окопы, где стояли танки, землянки, где жил личный состав.

Ходим, смотрим и не скрываем слёз. Очень больно всё это вспоминать, особенно погибших ребят...

После визита Павла Кулешова в Нежин я еду в Москву на празднование организации корпуса, где мне вручили медаль и удостоверение «Наследник ветерана».

В настоящее время я живу в Славутиче, а семья пока что в Нежине.

Однажды, три года тому назад, когда я приехал домой в Нежин, жена сказала мне слова, от которых холодок прошёл по телу:

- Нет уже больше твоего фронтового братика, Павлуша умер...

Люди помнят своих освободителей: несколько дней назад, 15 сентября 2005 года, через 60 лет после окончания той страшной войны, мы пришли к танку и положили живые цветы к обелиску.

Юность беспокойная моя

Воспоминания о далёком...

(Газета «Теледень Славутич» № 24 (373) от 15.06.2006 г.)

После выхода в свет моей статьи «Сержант» в газете «Теледень - Славутич», я получил несколько писем с отзывами об этой статье.

В письмах и в разговорах с «детьми войны» всё сводится к тому, что в статье «Сержант» они увидели себя, увидели то страшное время, которое пережили в детстве.

Очень благодарен редакции газеты «Теледень - Славутич» за публикацию моей статьи «Сержант».

Хочу ещё написать о том страшном времени, да и многочисленные просьбы заставляют взять в руки перо.

И снова в памяти всплывают картины того времени, которые тяжело передать на бумаге...

Итак, в свой 71-ый год я оглядываюсь на «задние колёса» и передаю пережитое всем читателям, в основном, детям, перед которыми я выступаю в школе, чтобы знали, что пережили их деды и прадеды в их возрасте.

Было это в первые послевоенные годы. Закончилась война, следом пришла другая война - борьба с холодом и голодом...

Вот один из эпизодов, который я хочу поведать молодому поколению.

Вдвоём с мамой мы бредём в сосновый лес и тянем за собой санки. За поясом у меня топор, а в руке большая палка с крючком, которой мы будем обламывать на соснах сухие ветки для того, чтобы протопить печку, и в хате, где гуляет ветер и стоит ведро с замёрзшей водой, станет теплее и уютнее.

Обламываем ветки и вместе с ними от бессилия падаем в снег. Вот уже и санки наполнились хмызом. Обязываем их верёвкой и тянем, надрываясь и падая. При выезде из леса, как из-под земли, появляется лесник.

В наше время деньги платят за то, чтобы чистили деревья.

Но не тут-то было, лесник выхватывает у меня топор, рубит санки и палку, а топор прячет за свой пояс, злорадно ухмыляется:

- Ну, что, захотела тепла?! Может тебе и хлеба дать?! С этими словами он набрасывается на маму. Мама кричит, кричу и я, а этот лесной зверюга идёт дальше за «добычей».

- Мама, ну как же так? Отец был офицер Советской Армии, погиб на фронте под Будапештом, а тебе один раз в год не могут дать подводу, чтобы привезти дров?!

На другой день утром мы с мамой на колхозном дворе. Мама подходит к бригадиру, у которого сине-красное лицо от пьянства, злые

глаза перебегают с матери на меня.

- Яковлевич, дай подводу на несколько часов, - просит мама.

- Ох, как ты мне надоела, да ещё со своим щенком, не сдохнешь и на морозе...

Он продолжает обсыпать меня и маму грязной бранью. Моё детское сердце как ножом кто-то полосует. Возвращаемся домой, валимся на пол и обливаемся слезами. В два часа ночи в окна раздаётся сильный стук. Мы просыпаемся, в хату вваливается ватага - человек шесть, с ними представитель с района, в основном из КГБ.

Я с этими молодчиками уже знаком, т.к. в конце войны у нас стояло пограничное НКВД, так мы их называли. Они отбирали у людей всё последнее, что оставалось после фашистских бандитов. Днём они после обильной пьянки спали, а ночью проводили допросы бывших старост, полицейских, а зачастую ни в чём не повинных людей. Наш дом заполнялся страшным криком, а я просыпался от ужаса, весь облитый потом, бабушка кричала: «У нас же маленький ребёнок, и хата наша – не комната пыток!» Сейчас же они были в другом обличье.

- Ну, Михайловна, ты подпишешь облигации?! С тебя немного, всего 1500 рублей.

- А где мне их взять?

- Ну, подумай где – может продашь что-то.

- Вы уже всё забрали, – плачет мама – у нас ничего не осталось.

Они стучат по столу, грязно ругаются. Когда же остаётся два дня до окончания подписки, мы с мамой уходим подальше в лес и там ночуем, а когда возвращаемся домой, подписка уже закогчена и нас никто не трогает.

Оборванные, грязные, голодные, но в школу идём.

Конечно же, как во время немецкой оккупации, в класс не заходит комендант с плёткой в руке и не кричит на нас «нах арбайт! (на работу)», не бледнеет учительница, и мы не стоим еле живые, боясь вздохнуть. В половине классов школы тогда лежали тяжело раненные красноармейцы. С карабином наперевес прохаживался венгр. Венгры были ещё злее и страшнее, чем немцы. И вот, когда он пошёл в другую сторону спиной ко мне, я бросил в разбитое окошко кусочек хлеба из листьев липы и клевера. Хлеб этот был совершенно не похож на хлеб, а скорее на кусок глея или земли. Венгр быстро учуял неладное, он быстро развернулся ко мне, лягнул затвором карабина и крикнул «век», то есть уходи. Я бледный, как мел, опрометью выскочил, радуясь, что не получил пулю в лоб.

Сейчас мы приходим более вольно в класс, а учительница, зайдя в класс, вместо приветствия громко говорила:

- Діти, пісню про Сталіна починаймо день!, а мы в ответ:

- «Кращих ми не знаємо на землі пісень!», и только потом

- «Добрий день, сідайте!»

Писать не на чем, книг никаких нет. Когда же приходит весна, идёт облегчение. Холод уже отпадает, а голод мы утоляем тем, что едим в

огороде: паслён, цвет акации, в болоте рогозу, глод, в лесу щавель, землянику, малину, грибы и другой подножный корм.

На работу день – в – день: копать и собирать кок-сагыз (растение, из которого изготавливают резину), копаем кюветы, собираем колоски, идём руками крутить жернова и добываем муку, дальше – на молотарку, окучиваем картошку и т.д.

Ноги от голода пухлые, но когда начинаешь что-либо кушать, опухоль исчезает. Обьездчики за колоски прямо с лошадей полосуют нас плётками до изнеможения, а главное, никто нас не жалел: редко слышал я доброе слово или благодарность. Только за кусочек хлеба я вставал в 4 часа утра и пас стадо коров из 40 голов целый день.

Приходит комиссия из конторы, они считают сколько соток огорода, считают кусты смородины (а куст смородины, по их расчётам, равнялся сотке огорода), сосчитают яблоны, вишни, сливы и: как «влепят» налог. Из-за этого мы стали уничтожать плодовые деревья, весь сад вырубил. Яблоки мы съедали ещё зелёными, и какой смысл держать плодоносные деревья?

Когда же я окончил в 1949 году Дуболуговскую семилетку и пошёл в 8-ой класс Комаровской средней школы, то нужно было платить за школу 150 рублей. На эти деньги нужно было много собрать смородины. Плата за школу в те времена была только в сельской местности. И вот мне вспомнилось, как в 1947 году, в разгар голодовки, к нам зашёл мой дядя Пётр Васильевич.

- Я иду на Нежин, – сказал он - может у вас найдётся кусочек хлеба, чтобы идти 35 км не натошак?

- Нет у нас хлеба, - отвечала мама.

- Тогда дайте хоть щепотку соли, – попросил он, и кинув в рот соль, запил её водой и пошёл на Нежин.

В 1952 году я заканчиваю среднюю школу и еду в Киев поступать куда-то, а куда и сам не знаю.

Увидев из окна трамвая вывеску «Киевское музыкальное училище имени Глиэра», я выскочил из трамвая и помчался туда, т. к. мне говорили, что я обладаю сильным голосом, в котором есть много металла. Сдал документы... А где жить, а что есть? Но из любого безвыходного положения есть выход: спать я приспособился на вокзале, хотя часто будит милиция. И вот я узнаю, что по улице Володарского нужно кому-то колоть дрова, ведь тогда Киев ещё не был газифицирован. День колю дрова, а на ночь – на вокзал. Здесь, на вокзале, я встретил знакомого старика из нашего села. Он забрал меня ночевать на стройку, где работал охранником. В 5 часов утра я должен был уходить, т. к. никто не должен видеть меня на стройке.

Наконец-то наступило время сдачи экзамена по специальности на вокальный отдел. Нужно принять 10 человек, а поступающих – 170.

В 4 часа утра меня растолкал мой знакомый: «Вставай, Лёня, пора!»

Я быстро схватываюсь, умыться негде, достаю с кошика два яйца, которые мама положила в семечки, выпиваю их, и еду на экзамен.

На сцену вышел бледный, неуверенный, но чувствую силу в голосе. Комиссия заполнила актовый зал.

- Какую арию Вы будете петь? – спрашивает концертмейстер.
- А что такое ария? – думаю я.
- Где Ваши ноты?
- Какие ноты? - Вопросом на вопрос отвечаю я.
- А как же я Вам должна аккомпанировать?!
- Я буду петь «Стоить гора высокая», - отвечаю я.
- Вы любите украинские песни?
- А я больше ничего не знаю.

Комиссия уже с интересом смотрит на «селюка» в ситцевой рубашке и солдатских кирзовых ботинках.

- Я знаю эту песню и могу сыграть, а какой у Вас голос тенор или баритон?

В ответ я сдвигаю плечами, так как не знаю, что это такое.

- У вас баритон, - уверенно говорит пианистка и делает широкое вступление.

Я начинаю петь, голос заполняет зал, он произвольно льётся из меня, он входит в душу каждого слушателя. Через приоткрытую дверь аудитории слушают пение абитуриенты, а сзади я увидел, как один преподаватель приподнялся и сделал пободряющий жест, что означало: «Давай, давай!!!» После этого жеста я ещё больше выкладываюсь в своём пении. Когда же я выходил после экзамена, где за дверью стояли абитуриенты в ожидании экзамена, одна девушка сказала: «Господи, как пел этот мальчик! Это просто чудо!»

На второй тур я пришёл обессиленный, т. к. нечего кушать. Тот десяток яиц, что положила мне мама в дорогу, был съеден, да и спать толком было негде. Старик-сторож тоже стал высказывать недовольство. Комиссия, видимо, тоже заметила моё бессилие. потому что зашептались и смотрели на меня с сочувствием.

Первый тур я сдал на пять, а впереди ещё два. После второго тура ко мне подошёл мужчина и говорит:

- Я директор училища, Вы сдали экзамен на «пять», езжайте домой и отдыхайте, т. к. дальше сдавать ничего не нужно.

И он показал мне экзаменационный лист, где стоит большая «5».

- А деньги у тебя есть? – переходит он на «ты».

- Всё у меня есть, - радуюсь я.

Смотрю на угол, где ещё два часа назад стоял генерал и говорил своей доченьке: «Не волнуйся, милая, может тебе конфетку дать?»

А я стоял и думал: «А мне бы тарелку борща!»

Конечно, дальше такой пытки я бы не выдержал, но, как говорил диктор Юрий Левитан своим неповторимым голосом: «Наше дело правое, мы победили!», а теперь надо ехать в родную Дуболуговку, но как ... если в кармане 60 копеек? Что купить маме?

И тут меня осенила мысль: есть булочки по 60 копеек, малюсенькие

такие и очень ароматные. Я покупаю булочку и радуюсь - вот будет подарок! Ведь мама не видела такого чуда, а булочка ещё тёплая, а может самому схватить её и проглотить целиком? «Нет» - что-то подсказывает мне, меня ждёт полугодная мама со своими мозолистыми руками, которые пахали землю, выращивая булочки для кого-то.

Я иду на рабочий поезд, билета нет, но это ерунда, так как мы ездим на крыше поезда: там контролёров нет. В Нежине на ступеньках вокзала я так сильно уснул, что меня с трудом разбудили пассажиры, и вот я в Вертиевке, а там 18 км пешком, и я – дома.

На первый мамин вопрос: «И куда же ты поступил?», я ответил, что поступил в музыкальное училище имени Глиэра. Мама долго стояла молча, а затем сказала:

- У нас и в роду таких не было, не знаю что это такое.

И тут я достал из-за пазухи булочку и торжественно вручил её маме: «Мама, это тебе, посмотри и попробуй, что едят в Киеве!».

У мамы брызнули слёзы и покатались по булочке как горох.

- Господи! - вымолвила она - голодный ребёнок, которого я отправила без денег, с десятком яиц, жил в Киеве полмесяца, и привёз маме булочку! Да где это видано?! - и она начала плакать навзрыд.

А в моём полудетском сердце шевелилось что-то тёплое и приятное, которое щекотало всю мою душу. Мама всю оставшуюся жизнь вспоминала ту булочку.

Где-то за несколько дней до её смерти, когда я уже много лет проработал артистом Львовской филармонии, а затем учителем после окончания пединститута имени Горького, и приехал проведать маму, она сидела грустная, о чём-то думала, а потом подняла голову и вдруг сказала: «А помнишь, Лёня, как ты мне привёз из Киева булочку?»

- Мама, к чему это?

- А так, вспомнилось прошлое...

На этой булочке я воспитывал доброту у целого поколения учеников. Она явилась символом тёплых человеческих отношений.

- Папа, расскажи, как ты привез маме булочку, - говорила моя дочь Таня, а потом уже и внук Ярослав - сын Тани.

Теперь же булочек много, но ... это уже совсем другая история.

Послушаем рассказы о войне,
Что отремела на земле родной,
Но снится нынче всем солдатам в тишине
Тот неоконченный, тяжёлый бой...

Майя Готсдинер

Куприй Леонид Иванович продолжает свои рассказы.

Приведём несколько историй, рассказанных бывалым солдатом о тех далёких и славных годах, что оставили неизгладимые впечатления в сердцах людей того поколения.

Леонид Иванович хочет поделиться своим жизненным опытом с мо-

лодыми людьми и рассказать им о том далёком прошлом, которое стало теперь историей...

В том прошлом было и трагическое, и смешное, как говорил Антон Павлович Чехов «смех сквозь слёзы».

Итак, рассказ первый.

Необычное задание

О том, какая тяжелая была служба в армии в далёкие 50-ые годы, знают хорошо те люди, кому довелось служить в бытность И.В. Сталина, да и года два после его смерти, когда всё шло по прежним уставам и направлениям.

После призыва в армию я попал в войска реактивной артиллерии, что находилась в Житомирской области, ст. Белокоровичи. Это Полесье, леса там громадные, густые с множественным количеством диких зверей.

Так как я был выпускником музыкального училища, то меня сразу же после курса молодого бойца зачислили в музыкальную роту.

Обучали нас военному искусству очень хорошо, и не только днём, но и ночью. Поднимали с коек по три раза по боевой тревоге. Через каждые 4 – 5 дней - кроссы по 8 км с полной выкладкой боевой амуниции.

Бегим, обвешанные автоматом, запасными дисками, шинелью в скатку, вещмешком с песком, лопатой, противогазом и прочим. Если нет сил бежать, то товарищи подхватывают под руки и тащат. По-пластунски «пропахали» сотни километров в грязи, снегу и песке. Гоняли нас сержанты тупые и неотёсанные с 3-мя классами образования, так сержант Тупицын говорил: «Для того, чтобы мыть полы и мерить по-пластунски, высшего образования не надо».

Офицеры появлялись редко, всё больше старшины да сержанты кричали на нас и гоняли. На общие занятия оркестром приходил военный дирижёр гвардии майор Терещенко. Этот человек был образован, культурный, вежливый и хороший психолог. В летнее время самостоятельно занимались в лесу под кустами. Каждый музыкант хорошо знал свою партию. Я играл на валторне, а затем на трубе.

Однажды во время занятий в лесу, кто-то из солдат увидел белочку. Она легко прыгала по тонким веткам молодых осин.

Молодые солдаты пришли в неопишуемый восторг и начали за ней гоняться. Испуганная белочка падала на землю, поднималась от этой ревущей, кричащей толпы, пытаясь спастись. Наконец белочке удалось сбежать, она прыгнула на высокую сосну и на прощанье махнула пушистым хвостиком.

В это время к толпе подошёл майор Терещенко, молча посмотрел на белку, на нас и ушёл в расположение части. Когда я вернулся в «караулку», дежурный сержант Паламарчук крикнул:

- Куприй, тебя вызывает майор Терещенко, подойди к нему!
- Товарищ майор...
- Вольно, Куприй, садись.

Я присел на краешек стула, внимательно слушая майора.

А он продолжал:

- Вот что, Куприй, - сказал серьёзно майор - есть для тебя задание, но несколько необычное, даже не задание, а скорее приказ:

- Слушаю Вас!

- Нужно для меня, вернее для моего мальчишка, найти и поймать в лесу белочку...

- ???

От такого задания, я растерялся, зная как сложно выполнить его, и ответил:

- Товарищ майор, это не просто, так как можно целый день проходить по лесу и даже не увидеть её.

- Согласен, - сказал задумчиво майор - но, может быть, ты увидишь дупло и рядом с ним белку? Вот тогда мы все вместе её возьмём.

С этими словами он протянул мне увольнительную на завтра для двух человек.

- Кого берёшь с собой? - спросил майор.

- Валера Денисенко - ответил я.

- Выполняйте приказ, завтра же с утра жду вас.

Валера Денисенко, надёжный друг. Сам родом из Москвы, спортсмен, боксёр. Мы дружили с ним все три года службы. Надёжный друг в армии это больше, чем брат.

- А где же мы найдём белочку? Ведь сколько ходили по лесу, а встретили её только один раз.

- Что-то придумаем!

Ночью я спал плохо, всё думал о том, как выполнить приказ майора.

Утром мы с Валерой шагнули в лесную чащу. Лесная тишина заворожила нас, мы наслаждались красотой дикой природы, собирали чернику и горстями отправляли её в рот, наткнулись на лесных ос и благополучно от них скрылись, но белочки нигде не видели.

Приказ выполнить не можем, настроение наше упало ниже нуля. Что делать?! Вдруг, о счастье, Валера увидел зверька, похожего на белку и закричал:

- Смотри, вот она!

Моему взору предстала во всей своей красе такая желанная, такая недостижимая наша мечта, как настоящая прекрасная принцесса из сказки - белочка!

До чего же мы были рады с другом! Мы наслаждались, наблюдая за её полётом с ветки на ветку, как бы дразня нас: «Вот поглядите на меня, какая я лёгкая, пушистая, быстрая, но не для вас, ребята. Попробуйте достать меня! Вам это не удастся!» Мы смотрели на белочку, затаив дыхание. И вдруг мой взор остановился на старой дуплистой иве.

- Валера! Мы спасены, есть идея - проговорил я.

- И что же это за идея?!

- А вот посмотри на эту дуплистую иву: в ней наше спасение, скажем, что пробежала белка, видимо, выскочила из дупла, навешаем

майору лапшу на уши...

- Идея, в общем, неплохая, ведь надо что-то говорить...

И мы отправились в путь, отмечая ветками дорогу к дуплистой иве, чтобы снова найти сюда дорогу.

Майор нас встретил вопросом:

- Ну, так что вы там поймали или что видели?

И мы, перебивая друг друга начали отчаянно объяснять майору, что видели белку, которая бегала возле вербы, и, видимо она вскочила в одно из дупел, и поэтому мы её не смогли поймать!

- Всё может быть... - сказал озадаченно майор и командовал немедленно поднять по тревоге оркестр, снять наволочки с подушек, и на всё это отпущено всего 40 секунд.

Весь оркестр с наволочками в руках отправился в лес на поиски белочки. На меня все смотрели удивлённо: вот ведь как угодил майору!

Солдаты весёлые, смеются, шутят вместе с майором в ожидании удачной охоты. Один я грустный, думаю, а что если там ничего нет?! Мало ли дупел в лесу? Наконец-то пришли, майор командует:

- Так, Шведа, быстро с наволочкой наверх, закрыть верхнее дупло! А ты, Коломенский, разжигай огонь и направляй его в нижнее дупло. Белка вылезет и попадёт в наволочку.

Я же стою и мысленно прошу Бога помочь мне, и Бог, наверное, услышал мои мольбы...

- Лезет, товарищ майор! - заорал сверху Шведа.

- Не дай Бог упустишь - то будешь на гауптвахте сухари грызть - пригрозил майор.

- Есть, товарищ майор, а вот и другая ползёт - продолжал комментировать Шведа с самой верхушки дерева.

А я ликую, радость охватила меня, на сердце стало легко: ведь это я нашёл жилище белки! Майор командовал отбой, так как для него хватило и двух рыжих красавиц. Шведа сползает с дерева весь мокрый, руки трясутся от напряжения и ответственности. Майор же расплывается в улыбку

- Ну, Куприй, задание ты выполнил с честью - и он пожимает мне руку на виду у всех.

На другой день он приходит на развод, где собираются солдаты перед тем, как им заступить в наряд.

- Ну, как поживают белки, товарищ майор? -спрашиваю я.

- Да всё нормально, но вот только непонятно, что это за белки, не понимаю -отвечает майор - уцепятся за потолок и водят какими-то страшными, сверкающими глазами.

Я сразу понял, что это за белки, так как детство прошло в лесах села Дуболуговки на Нежинщине. Это не белки, а куницы. Они живут в старых дуплах, в старых гнёздах сорок. Они бегают в сёла, воруют дыплат и курей. Вот этим и кормятся. Куницы похожи на белок, но хвост не такой пушистый, как у белок. У меня аж выступил пот на лбу, т. к. я всё понял...

Дня через три пришёл майор, грустный и раздражённый.

- Ну, как белки живут? – спросил я его.

- Не знаю, что это за белки, это какие-то хищники, моя Максимовна открыла форточку и выбросила их на улицу...

Вот так завершилась операция «белочка» - вернее то необычное задание, которое мне поручил майор Терещенко.

После этого майору никто не напоминал о белочке и разговоров по этому поводу больше не было.

Я же до сих пор считаю, что приказ был не совсем корректный и поэтому случился такой результат...

Бывало и такое на войне

Этот случай рассказал мне солдат, участник ВОВ – Бойко А.Д. и я хочу поведать его вам, дорогие читатели.

Произошло это под Оршей, когда были сильные бои - Советские войска освобождали Белоруссию, а немцы оказывали сильное сопротивление.

Вот сидим мы в окопах, а земля - сплошное липкое месиво, окопались на высотке, а невдалеке долинка и снова высотка, а за ней – немцы. Это недалеко, совсем рядом...

Напрасно некоторые думают, что на линии фронта противники далеко друг от друга, Совсем близко колодец с чистой прозрачной водичкой, пить очень хочется, но как подойти к колодцу, если немцы мигом снимут. Нашёлся один шутник, пишет записку немцам: «Можем ли из колодца брать воду?» Привязываем записку к камню и швыряем фрицам, они тут же хватают записку и пишут ответ: «Можно, берите!»

Берём воду, а немцы только посматривают, а вскоре и сами с котелками идут по воду.

Утолили жажду и здесь же сразу захотели поесть, ведь несколько дней ничего не ели...

Вскоре послышался гул самолёта. Это приближался фашистский самолёт с драконами и крестами на фюзеляже. Самолёт покружился над нами и немцами и улетел.

Через полчаса прилетел другой самолёт, он покружился над нашими позициями и сбросил, нет, не бомбу, а сбросил он бочку своим воякам . Бочка с диким рёвом упала на нейтральной полосе, а самолёт, сделав прощальный круг, развернулся и улетел.

Всем стало ясно, что в бочке что-то съестное, которое немцы сбросили своим солдатам, но не рассчитали...

И немцы, и наши выскочили из окопов и смотрят на эту бочку голодными глазами, да к ней не подступись, хотя это и очень заманчиво, ведь мы не знали, что в бочке. Немцы, видя наше намерение захватить бочку, начали показывать на небо и кричать, что это их самолёт сбросил еду для них, а мы показываем автомат, вот мол попробуй, подойди, то получишь... Как только стемнело, все разошлись по своим окопам. Один весельчак Петька говорит: «Снять всем брючные ремни и отдать мне!», так

и поступили - получилась одна длинная верёвка. Он с другом взялись за конец верёвки и поползли к бочке, а другой конец остался у нас...

Наступило утро, все снова высочили из окопов, ведь кушать то очень хочется, и все смотрят на злополучную бочку. И вдруг, о чудо! Бочка поползла к нашим окопам. Немцы пришли в ужас! Они не ожидали такой развязки, «хальт» кричат немцы бочке, которая упорно двигалась в сторону наших окопов.

Наконец-то бочка оказалась у нас, отбили крышку. А там оказалось сливочное масло, но снова проблема – нет хлеба. Ели масло без хлеба и были довольны, а то масло, что осталось в бочке, отдали на съедение немцам: «Ешьте, гады, да знайте наших!» Вскоре раздалась команда командира:

- По немецким захватчикам огонь!

И, забыв о бочке с маслом, мы стали выполнять приказ. Немцев выбили из окопов, видимо, масло из бочки придало нам для этого сил.

Вот такая история произошла на одном из участков фронта в Белоруссии во время Великой Отечественной войны.

Война глазами детей

(продолжение цикла рассказов ветерана)

Живые воспоминания важнее сухих исторических хроник, и взгляд, обращённый к прошлому, помогает увидеть день сегодняшней.

Слушая рассказы очевидца тех событий, отодвигаются на задний план мелкое, неважное, сиюминутное и мы вдруг чётко видим и осознаём: всё это было здесь, рядом, почти вчера.

Много теперь ходят пересудов о войне, об участниках и событиях Великой Отечественной войны. И чем дальше уходим мы от войны, тем больше ею интересуются специалисты и просто любители истории.

Мало ныне осталось свидетелей - детей войны, ведь им уже за 70 лет, а настоящих фронтовиков почти совсем не осталось.

Публикации, которые я готовлю, читают ученики, да и взрослые люди, которые не знают войны, но хотят услышать и прочитать правду о тех далёких годах, когда гремели страшные бои, о грандиозных битвах, в которых сражались миллионы людей, о детях войны, брошенных на выживание и детство которых было голое и голодное.

За кусок хлеба из клевера и травы ребёнок готов был делать что угодно, лишь бы утолить голод.

Маленькие существа с опухшими от голода ногами закрывались своими грязными и бледными ручонками от взрывов мин и снарядов, падали на землю при взрывах авиабомб с надеждой: авось и на сей раз пронесёт.

Всего, что было, невозможно вычеркнуть из памяти детей войны, нельзя забыть, растоптать, так как это живая история.

Память о тех событиях нужно обязательно донести до молодого поколения.

Пусть знают, как нелегко всем нам досталась эта светлая, мирная жизнь, сколько людей отдали свои жизни за наш сегодняшний день.

Некоторые о детях войны говорят, а что вы помните, ведь вы были тогда маленькими детьми. Ошибаетесь, господа: детская память схватывает событий больше, чем у взрослых, причём, дети запоминают больше деталей, и этого у них не отнять.

Вот пример, когда к нам приезжал знакомый, бывший фронтовик, который находился во время Великой Отечественной войны в нашем селе и я ему начал показывать хаты и говорить: «вот в этой хате жил лейтенант Цветков, а вот там – капитан Селиванов, там – подполковник Сергеев» и т. д., он ахнул:

- Лёня, да как ты можешь знать?

- А вот так, Павел Дмитриевич, всё помню.

Итак, 1942 год. Кругом немцы, мадьяры. Иду к своему другу Лёне. Мы ходим в один класс. Оба с одного года, я чуть старше. Во дворе прохаживается мадьяр, он вроде бы и не видит меня, но медленно идёт за мной, а я вижу такую жуткую картину: Лёня с мамой стоят согнутые лицом к печке, а руки на стенке.

Мадьяр медленно поднимает автомат – и раздаётся длинная очередь. Бьёт он по верху голов. Мать Лёни бледная и что-то шепчет, кажется молитву. После автоматной очереди мадьяр с улыбкой и злорадством смотрит на свои жертвы.

- Отец офицер?

Отец Лёни работал в райкоме, и вот мадьяры сводят с ним счёты.

После 33-х таких пыток мать моего друга сошла с ума, а Лёня стал очень нервным и боязливым мальчиком.

В последствие Лёня поступил в пехотное военное училище, и уже в 35 лет был полковником юстиции, но после перенесенного стресса долго прожить ему не довелось. Около 40 лет он умер.

Запомнилось мне и другое.

Где-то в 1943 году, когда пришли наши, мы с Лёней играли во дворе возле дома.

Вдруг увидели группу пленных немцев, человек 15, шли они с опущенными головами, а зади с автоматом наперевес - наш сержант. Он был весь собран, одежда отутюжена, сапоги начищены, с гордой улыбкой на лице. И тут Лёню прорвало: он громко засмеялся и закричал «Ну, что, довоювались, фашисты?! Ух, как я вас ненавижу!»

Конечно же, немцы слышали и многие понимали о чём кричит мальчик, но шли угрюмые и только вздрагивали от крика.

Через несколько дней я зашёл к своему другу Пете, и что я там увидел?! Кровь на полу и лежат трое деток мёртвых. Оказывается дети разряжали где-то найденную гранату – она взорвалась у них в руках, а Петя успел убежать в спальню, но и его достали осколки от гранаты, которые и сейчас сидят у него под лопаткой.

Ещё семеро детей пострадали от разорвавшейся у них в руках гранаты - все погибли.

Мой друг Григорий Петрович в Нежине рассказывает:

Когда отступали немцы, то с ними бежали и полицаи. Они вбежали на мостик через речонку и вытащили затворы из карабинов, бросали на одну сторону затворы, а на другую стволы с прикладами. Не успели они сбежать, как мы с другом Сашей вытащили несколько затворов и стволов. Примерили, один подходит, ура! Теперь у нас есть один карабин, патронов хватает, припрятали. Испробовали в соснах, бьёт прекрасно. Во что будем стрелять? Есть куда! - вскричал я.

Как-то над самой землёй летел немецкий самолёт и сбросил маленькие бомбочки. Из-за малой высоты бомбы не успели разорваться и легли плашмя, на землю. Идея – сказал Саша. Мы установили бомбочку на одном камне, а сами спрятались за другим побольше. Я выстрелил первым, но мишень даже не шелохнулась.

- Теперь я – сказал Саша и саданул из карабина. Бомба не взорвалась.

Дай-ка я посмотрю в чём дело - и Саша ушёл к бомбе. Он поглядел на бомбу, а потом ударил её ногой... Когда я очнулся, мой рот был полон земли, руки-ноги дрожали. А где же Саша? Нет больше моего друга - хоронили одни подушечки.

Было ещё очень много печальных историй, о которых с болью в сердце вспоминают дети войны и делятся с молодёжью своими воспоминаниями. Прошлое это опыт, история, которую надо знать, чтобы не повторилось такое теперь.

Но все же мы выстояли, выжили хотя и не все, но дождались мирных, светлых дней.

Я всегда подолгу всматривался в личико моей доченьки Тани, когда она спала, а в мыслях было только одно: не дай Бог, чтобы она увидела тот ад, в который были ввергнуты дети второй мировой войны. Пусть для всех детей планеты всегда будет чистым голубое небо, пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет мир, дружба и человеческая любовь!

Детям войны посвящается

Вспоминаем, ребята, как мы
Были в войну малышами,
Теперь же мы - «Дети войны»
Лишь в памяти всё перед нами.

Мы не были на фронтах,
И в битву мы не ходили,
Войну мы на детских плечах
Из ада тогда выносили.

Наши отцы на фронтах
С фашистами воевали,
Своих, вспоминая детей,
Победу для нас отстояли.

И погибали тогда,
Под «пулемётные трели»,
А дома на деток всегда
Они с фотографий глядели.

Вспомни, мой друг, как земля
Встала из страшного пепла,
Голодная юность моя,
Омытая кровью, всё крепла.

А наши отцы, где они?
Лежат под берёзами где-то.
А в небе летят журавли
Курлыча, несут нам приветы.

Мой друг! Не забудь этих дней,
Разрывы гранат, гром орудий,
И взгляд воспалённых очей.
Нет! Никогда не забудем!

Теперь же мы «Дети войны»
Слова эти режут нам сердце
И часто нам снятся сны
Далёкое, жалкое детство.

Ничего же, мой друг, не тужи,
И в сердце носи это бремя!
В памяти всё сбереги,
И внукам поведай то время!

Куприй Л.И.
г. Славутич, 05.02.2007 г.